

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В РЕАЛИКОНЕ ЛИТЕРАТУРЫ МОЛДАВИИ 60–80-х ГОДОВ XX ВЕКА

И. М. Мельничук

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

ETHNOGRAPHIC REALIA IN THE REALICON OF MOLDAVIAN LITERATURE OF XXTH CENTURY

I. M. Melnichuk

Shevchenko State University of Pridnestrovie

Поступила в редакцию 30 ноября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается роль этнографических реалий как составной части реаликона литературы Молдавии 60–80 гг. XX в. Выделяются классификаторные признаки (референтный и концептуальный), лежащие в основе разграничения типов реалий, рассматриваются принципы выделения R-реалий как репрезентантов материальной культуры и C-реалий как отражение духовной культуры. В результате исследования выявляется неустойчивость границ между данными группами реалий и их взаимопроницаемость.

Ключевые слова: реаликон, типы реалий, R-реалии, C-реалии, этнографические реалии.

Abstract: the article considers ethnographic realia in the literary translation of Moldavian literature of the 20th century. These realia are known for their high degree of national and cultural coloring. Features of ethnographic realia are studied from the standpoint of the interaction of language and culture. The article discusses the role of ethnographic realia as an integral part of realicon of national literature, contributing to the description of the national identity of the Moldavian people in fiction of the specified period. A special place in the artistic text is taken by R-realities as elements of material national culture and by C-realities as a reflection of spiritual culture. The distinction between R- and C-realities is based on the classification characteristics (referential and conceptual), presented in explanatory and encyclopedic dictionaries. In the study, the instability of the boundaries between the indicated types of realia is revealed and their mutual permeability was established. Thus, ethnographic realia are a reflection of the traditional life of the Moldavian people in certain historical period. In addition, these realia perform not only the nominative function (the definition of the national-cultural characteristics), but also a symbolic function, which is based on the updating in context of the conceptual characteristic of realia.

Key words: realicon, R-realities, C-realities, ethnographic realia, type of realia.

На современном этапе лингвистических исследований большое внимание уделяется изучению взаимодействия языка и этнокультуры, в частности отражению в языке национально-культурных особенностей повседневной жизни этноса и их отображению в художественном тексте. Проявления национальной культуры закрепляются в языке в виде определенных языковых единиц, содержащих специфический, отличный от другой лингвокультуры смысл. К категории таких языковых единиц относятся этнографические реалии, которые осмысливаются как репрезентанты культуры, хранящие в себе память о культурных

кодах, опознаваемых конкретным лингвокультурным сообществом.

В рамках нашего исследования в основе определения понятия «реалия» заложены положения теории реалии [1–3], которые рассматривают реалию как трехсторонний знак, включающий референтные, концептуальные и номинативные признаки. Исходя из этого, мы используем специальные обозначения для каждой из сторон реалии: R-реалия (артефакт, натурфакт) – референтная действительность, C-реалия (ментефакт) – концептуальный признак и L-реалия – номинативная единица.

Согласно данной теории, реалия определяется как «парная лакуне категория контрастивной лингвисти-

ки, обозначающая наличие в одном языке готовой номинации для обозначения сигнификата (денотата) языковой единицы соответствующей лингвокультуры, на фоне отсутствия такой номинации в другом языке» [4, с. 22].

Наиболее яркими выразителями национально-культурной специфичности по праву считаются этнографические R-реалии [5, с. 42], которые содержат национально-культурную информацию, значимую для народа-носителя языка и не воспринимаемую в своем полном объеме представителями других культур.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить и определить референтную и концептуальную значимость этнографических R-реалий, являющихся частью реаликона [4, с. 193] литературы Молдавии 60–80-х гг. XX в. и способствующих описанию национальной самобытности молдавского народа в художественных произведениях указанного периода.

Предметом анализа являются этнографические реалии, отобранные в художественных произведениях литературы Молдавии обозначенного периода: «Ciugur-Mugur» («Чугур-Мугур») П. Боцу, «Buniții mei» («Мои дедушки») Г. Водэ, «Крик стрижа» В. Бешлягэ, «Белая церковь» И. Друцэ и др., которые отличаются высокой степенью национально-культурной маркированности. Несмотря на идейную, образную и стилистическую неповторимость каждого анализируемого произведения, они объединены общим контекстом: репрезентация образа жизни молдавского этноса.

Необходимо уточнить тот факт, что в анализируемых произведениях описывается быт, условия жизни прошлого века, поэтому многие из реалий потеряли свою актуальность и не предназначены отражать современное положение народа.

Количество этнографических реалий, отобранных в анализируемых произведениях, достаточно высоко, и затрагивает такие стороны жизни народа, как предметы быта, жилище и постройки, еда, одежда, труд, меры и деньги, транспорт и др.

В анализируемых художественных произведениях основными элементами, отображающими особенности материальной культуры, являются предметы быта. В основном речь идет о реалиях, служащих для репрезентации этноса в историческом и/или деревенском ракурсе.

Рассмотрим несколько примеров. Реалия *traista* (сума, торба), являясь неотъемлемой частью молдаванина – путника или же крестьянина, отправившегося в поле, встречается практически во всех исследуемых произведениях. Безусловно, в современном видении молдаванин не представляет тот образ, который вырисовывается при прочтении данных художественных произведений, но даже в

наши дни где-то в молдавском селе у людей пожилого возраста сохраняется *traista*, в которой они держат фасоль или кукурузу, или что-то еще, необходимое в хозяйстве.

Другим бессменным атрибутом пожилого представителя молдавского народа является предмет в виде палки, служащий опорой при ходьбе. Мы целенаправленно не даем эквивалента на русском языке по той простой причине, что в анализируемых произведениях данная реалия получает множество номинаций. В романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ отмечаем реалию *toiag* – палка, которая в контексте лексической единицы *dedușka* актуализирует свое денотативное значение. Но данная реалия наделена также коннотативным значением, декодирование которого призвано способствовать раскрытию образа персонажа. В румынском толковом словаре выделяется коннотативное значение данной реалии – *opora*, *помощь*, а также одно из значений выдает ее метафорическое значение – *символ достоинства или авторитета*. И действительно, дедушка главного героя является его опорой, помощником и даже спасителем. В этом же романе встречается и реалия *cârjă* (перевод с рум. костыль, *устар.* посох) [6], синоним предыдущей реалии, которая помимо значения *костыль* обозначает палку с загнутым верхом, поддерживающую больного или пожилого человека при ходьбе [7], обладающую когнитивным содержанием *символ силы и власти*. В рассказе «Ciugur-Mugur» («Чугур-Мугур») П. Боцу встречаются реалии *bătă*, *dârjă* (*dârjală*), которые обозначают всё ту же палку, служащую опорой для идущего человека, но когнитивное содержание указанных реалий отличается от предыдущих синонимов тем, что акцентируется вспомогательная функция обозначенных реалий.

Многие предметы быта отражают различные виды хозяйственной деятельности молдавского народа, среди которых особое место занимают виноградарство и виноделие. Тара, в которой «хранились вино и другие продукты питания, имела различные формы и выполняла различные функции» [8, с. 261]. Исходя из этого, существовало множество номинаций для обозначения схожих предметов. В исследуемых произведениях были выделены следующие реалии: *poloboc*, *butoi* (рассказы «Darugi» («Подарки») И. Друцэ, «Portocala» («Апельсин») Н. Есиненку), *baler* («Ciugur-Mugur» («Чугур-Мугур») П. Боцу), *putină* («Крик стрижа» В. Бешлягэ). Перечисленные лексические единицы объединены общим значением «деревянная емкость, состоящая из клепок, которая служит для хранения вина или других жидких продуктов» [9]. На уровне денотативного значения различие проявляется в форме изделий, например, *baler* – разговорная форма наименования наибольшей бочки из всех обозначенных, *putină* – маленький бо-

чонок для хранения солений с открытым верхом [10], *poloboc* (разг.) – бочка средних размеров.

Важную роль в жизни молдавского народа играла организация жилища и хозяйственных построек, как «главных элементов крестьянского хозяйства, отличающихся комплексностью и разнообразием функций» [11, с. 73]. Основным элементом крестьянского дома был *cuptor* (печь) как место для отопления дома и приготовления пищи, особенно для выпечки хлеба. Данная реалия встречается в анализируемых художественных произведениях в качестве основной составной части крестьянского дома, дополненной когнитивным содержанием *теплое место, где можно укрыться, отдохнуть*.

Обязательной частью дома была *tinda*/сенцы («Крик стрижа» В. Бешлягэ, «Белая церковь», «Подарки» И. Друцэ), небольшое помещение при входе, которое служило для отделения жилой части дома от крыльца и холодных комнат дома. Многие старые дома в Молдове оснащены таким помещением, имеющим чисто практическое значение. Другой неотъемлемой характеристикой молдавского дома является *casa mare* (букв. большой дом), парадная комната, которая воспринимается как «пространство, имеющее функцию приема гостей, сохранения ценных семейных реликвий, проведения важных праздников и ритуалов в жизни человека» [8, с. 294]. Денотативное значение реалии в толковом словаре ограничивается объяснением, что это специальная комната, выполняющая функцию приема гостей [12], но не выделяются ни коннотативные, ни когнитивные значения данной реалии. На самом деле *casa mare* «выступает визитной карточкой семьи» [Там же], внешний вид которой давал понятие о достатке, о статусе семьи в обществе. В рассказе «Daruți» («Подарки») И. Друцэ реалия *casa mare* появляется в контекстуальном тандеме с реалией *zestrea* (приданое), ведь в этом помещении собиралось и хранилось приданое для детей.

Наряду с гостевой комнатой, молдавский дом оснащен и другими помещениями, такими как *cămara* – у молдаван «небольшое помещение, где хранились продукты» [13], денотативное значение этой реалии актуализировано в рассказе «Daruți» («Подарки») И. Друцэ и отражает особенности организации молдавского жилища.

Одним из важных характерных внешних элементов старинного крестьянского дома выступает *prispa* (завалинка), «каменная или земляная терраса, высотой до 100 см и шириной 80–120 см» [8, с. 291], которая имела практическую значимость «летом, когда солнце высоко, лучи не перегревают комнаты, а в зимние месяцы, наоборот, позволяет лучам солнца проникать и обогревать комнату» [Там же, с. 292]. Почти во всех анализируемых произведениях молдавской литературы реалия *prispa* присутствует, вы-

полняя в каждом определенную функцию. В рассказах «Daruți» («Подарки») И. Друцэ данная реалия фигурирует достаточно часто, дополненная когнитивным содержанием место для отдыха, для передышки для человека в своей хозяйственной деятельности. В романе «Белая церковь» И. Друцэ, написанном на русском языке, реалия *prispa*, представлена автором в виде русской реалии *завалинка*, которая напоминает молдавскую *prispu*, с некоторыми различиями по форме и схожестью по функциям.

Иное видение реалии *prispa* прослеживается в романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ, где она наделена коннотативным значением «родной дом», которое актуализируется лишь в ближайшем реалии контексте.

Культурная самобытность народа отражается и во внешнем виде ее представителей. В анализируемых произведениях внешний вид и одежда репрезентируют устоявшийся образ среднего молдаванина. Некоторые исследования этнографов, имеющие цель выяснить представления о своей или других этнических группах, привели к выводу, что у большинства молдавских (своя этническая группа), украинских, русских (чужая этническая группа) респондентов-детей представления о внешнем виде молдаван чаще всего совпадают и проявляются в одних и тех же элементах и деталях одежды: *cuștă/кушма* (молдавская барашковая шапка), *платок* и др. [14, с. 167–168].

Выявление реалий одежды, репрезентирующих «типичного молдаванина», в анализируемых произведениях дает представление о внешнем виде сельского жителя прошлых десятилетий и столетий. Так, в романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ реалия *cuștă / шапка* (черная барашковая шапка) характеризует дедушку главного героя, персонажа военного времени. Деталь одежды, типичная для женского костюма, – это *платок*, «форма и способ ношения которых варьировали в зависимости от временных и возрастных различий» [8, с. 308]. В рассказе «Vânători de gate» («Охотники на уток») И. Друцэ персонаж-бабушка сделала из платка импровизированную палатку, таким образом, отмечаем, что реалия *șalincă* (женский вязаный платок, украшенный бахромой [15]) являлась неотъемлемым элементом одежды представительниц молдавского народа в описываемый период. В рассказе «Bunicii mei» («Мои дедушки») Г. Водэ фигурирует реалия, репрезентирующая разновидность платка *bariz* (тонкий, легкий платок [16]). Прагматическое значение данной реалии базируется на фоновых знаниях, касающихся изготовления различных тканых изделий в домашних условиях, то, чем занимались молдавские женщины в течение многих сотен лет.

У каждого народа, и у молдавского в том числе, «в зависимости от характера и рода занятий населе-

ния, от наличия естественно-природных ресурсов складываются своеобразные культурно-бытовые традиции в повседневной и обрядовой пище» [8, с. 246].

Характерными кулинарными реалиями молдавского этноса, по мнению многих этнографов, которые не «просто весьма актуальные для жителей Молдовы, но и составляющие важную часть того, что в этносоциологии называют национальной картиной мира» [17], являются мамалыга с брынзой.

Реалия *мамалыга* (*mămăligă*) обозначает национальное блюдо молдавского народа, обладающее многочисленными коннотативными, когнитивными и прагматическими значениями. Так в романе «Белая церковь» И. Друцэ, помимо денотативного значения «продукт питания, изготовленный из кукурузной муки [18]», актуализируется когнитивное содержание данной реалии: *пища бедняка*, ведь «на мамалыге и постном супе много не наработаешь».

Отмечается в романе и объединяющая функция этой пищи, святой для молдавского народа, которая собирала «вокруг нее, как вокруг солнца, всю семью». То же самобытное значение реалии *мамалыга* отмечается и в рассказах «Dăruți» («Подарки») И. Друцэ, когда дети сидят за столом и ждут с нетерпением, когда мама подаст мамалыгу.

В анализируемых произведениях этническая самобытность в приемах приготовления отдельных блюд отражается при помощи использования кулинарных реалий: *zată* (овощная или мясная похлебка) («Ciugur-Mugur» («Чугур-Мугур») П. Боцу, «Vânători de rațe» («Охотники на уток») И. Друцэ), *фринтурика* (мясное жаркое), *калач*, *голубцы* («Белая церковь» И. Друцэ). Необходимо отметить, что последние три реалии входят в состав так называемого «праздничного угощения» [8, с. 253]. Поэтому в романе указанные реалии реализуют когнитивное содержание *праздник*, *праздничное настроение*. Персонаж романа заказал себе *фринтуру* и *калач*, таким образом, устроил себе праздник. А *голубцы* (*gălușe, sarmale*) – «одно из основных блюд на свадьбе, похоронах, поминках» [Там же, с. 254]. В романе когнитивный контекст реалии *голубцы* («и снова достаем вино из подвалов, и варим *голубцы*») передает ощущение праздника, хорошего настроения.

Подводя итоги анализа этнографических реалий как составной части реаликона литературы Молдавии 50–80-х гг. XX в., отмечаем несколько закономерностей. Прежде всего, большинство отобранных этнографических реалий служат отражению традиционного быта молдавского народа в конкретный исторический период. Притом что образ жизни молдаване в романе «Белая церковь» И. Друцэ, описывающего события конца XVIII в., немногим отличается от описываемых в романе «Крик стрижа» В. Бешлягэ, в

рассказах «Dăruți» («Подарки») И. Друцэ, «Ciugur-Magur» («Чугур-Мугур») П. Боцу, «Bunicii mei» («Мои дедушки») Г. Водэ, традиций быта молдаване середины XX в., т. е. в анализируемых произведениях представлен традиционный быт молдаван прошлого, национально-культурные особенности которого сохранялись на протяжении многих поколений, что указывает на ценность традиций у молдаван.

Кроме того, основные национально-культурные этнографические R-реалии отображают в основном референтный признак, включающий предметное окружение представителей этноса, специфичную организацию жилища и хозяйственных построек, способы приготовления пищи и др. В то же время когнитивное пространство художественного произведения расширяет функциональные возможности этнографических R-реалий, позволяя выполнение не только номинативной функции реалий, но и реализацию «символьной функции» [19, с. 156], которая основывается на актуализации концептуального признака реалии. Тем самым отмечается неустойчивый характер различных групп реалий, обуславливающий переход R-реалии в класс C-реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фененко Н. А. Лингвистический статус термина реалия / Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2, ч. 1. – С. 5–9.
2. Кретов А. А. Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 7–13.
3. Фененко Н. А. К проблеме лингвистической типологии реалий / Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 4. – С. 10–15.
4. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации : монография / Н. А. Фененко [и др.] ; под ред. Н. А. Фененко, А. А. Кретова. – Воронеж : ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 220 с.
5. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М., 2006. – 342 с.
6. Cârgă. – Режим доступа: <http://www.вокабула.рф>
7. Cârgă. – Режим доступа: <https://dexonline.ro/definitie/c%C3%A2rj%C4%83>
8. Молдаване / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Акад. наук Молдовы, Ин-т культур. наследия ; отв. ред.: М. Н. Губогло, В. А. Дергачев. – М. : Наука, 2010. – 541 с.
9. Baler. – Режим доступа: <https://dexonline.ro/definitie/baler>
10. Putină. – Режим доступа: <https://dexonline.ro/intrare/putin%C4%83/46713>
11. Fulea L. Spații destinate pregătirii și păstrării produselor alimentare / L. Fulea // Revista de Etnologie și

Culturologie № 16. – Chişinău : Garomont, 2014. – С. 73–77.

12. Casa mare. – Режим доступа: <https://dexonline.ro/definitie/casa>

13. Cămara. – Режим доступа: <https://dexonline.ro/definitie/camara>

14. Иванова Н. «Типичный молдаванин» (На основе тематических рисунков учащихся школ г. Кишинёва) / Н. Иванова // Revista de Etnologie și Culturologie № 4. – Chişinău : Garomont, 2008. – С. 166–168.

15. Şalincă. – Режим доступа: <https://dexonline.ro/definitie/%C8%99alinc%C4%83>

16. Bariș. – Режим доступа: <https://dexonline.ro/definitie/bari%C8%99>

17. Ионова И. А. Заимствование в условиях двуязычия как самостоятельная научная проблема («мамалыга» с «брынзой» в русском языке Молдовы) / И. А. Ионова // Вестник Славянского университета Молдовы. – Кишинев, 2008. – № 15. – Режим доступа: http://surm.md/index.php?option=com_content&task=view&id=559&Itemid=146

18. Mămăligă. – Режим доступа: <https://dexonline.ro/definitie/mamaliga>

19. Фененко Н. А. Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте / Н. А. Фененко // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2014. – № 12. – С. 151–172.

ИСТОЧНИКИ

1. Beşleagă VI. Zbor frânt: Roman / VI. Beşleagă. – Chişinău : Lumina, 1966. – 310 p.

2. Bechliaga VI. Le vol brise = Крик стрижа : Roman / VI. Bechliaga ; Traduit du russe par Jean-Marie Pieri. – Kichinev : Literatura artistică, 1987. – 192 p.

3. Boţu P. Ciugur-mugur: Povestiri / P. Boţu. – Chişinău : Cartea Moldovenească, 1961. – 82 p.

4. Botsou P. Sougour-Mougour = Чугур-Мугур : Récits / P. Botsou ; Traduit du moldave par Eléonore Hotineanou. – Kichinev : Literatura artistică, 1987. – 84 p.

5. Друцэ И. Белая церковь. Бремя нашей доброты / И. Друцэ. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 576 с.

6. Droutsé I. L'église blanche / I. Droutsé // Trad. du russe par Françoise Vaqué-Louge. – Paris : Messidor / Temps actuel, 1985. – 288 p.

7. Esinencu N. Portocala / N. Esinencu. – Chişinău : Cartea Moldovenească, 1970. – 71 p.

8. Essinencou N. L'Orange = Апельсин / N. Essinencou ; Traduit du moldave par V. Grigoryev. – Kichinev : Literatoura artistica, 1988. – 72 p.

REFERENCES

1. Fenenko N. A. Lingvisticheckiy status termina realiya [Linguistic status of the term “realia”]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2007. № 2. ch. 1. P. 5–9.

2. Kretov A. A., Fenenko N. A. Lingvisticheckaya teoriya realiiy [Linguistic theory of realia]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2013. № 1. P. 7–13.

3. Fenenko N. A. K probleme lingvisticheckoy tipologii realiiy [On the problem of linguistic typology of realia]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2017. № 4. P. 10–15.

4. *Frantsuzskiy i russkiy realii v aspekte teorii mezhyazykovoy renominatsii* [French and Russian realia from the perspective of cross-linguistic remonination]. Ed. by N. A. Fenenko, A. A. Kretov. Voronezh: IPTS Voronezh. gos. un-ta, 2013. 220 s.

5. Vlahov S., Florin C. *Neperevodimoye v perevode* [Untranslatable in translation]. M., 2006. 342 s.

6. Cârjă. Available at: <http://www.вокабула.рф>

7. Cârjă. Available at: <https://dexonline.ro/definitie/c%C3%A2rj%C4%83>

8. *Moldavane* [The Moldavians]. Ros. akad. nauk, In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya, Akad. nauk Moldovy, In-t kul'tur. naslediya ; otv. red.: M. N. Guboglo, V. A. Dergachev. M. : Nauka, 2010. 541 s.

9. Baler. Available at: <https://dexonline.ro/definitie/baler>

10. Putină. Available at: <https://dexonline.ro/intrare/putin%C4%83/46713>

11. Fulea L. Spații destinate pregătirii și păstrării produselor alimentare. In *Revista de Etnologie și Culturologie* № 16. Chişinău: Garomont, 2014. P. 73–77.

12. Casa mare. Available at: <https://dexonline.ro/definitie/casa>

13. Cămara. Available at: <https://dexonline.ro/definitie/camara>

14. Ivanova N. «Tipichnyy moldavanin» (Na osnove tematiceskikh risunkov uchaschchikhsya shkol g. Kishineva) [A typical Moldavian (A study based on the drawings of Chisinau schoolchildren)]. In *Revista de Etnologie și Culturologie* № 4. Chişinău: Garomont, 2008. P. 166–168.

15. Şalincă. Available at: <https://dexonline.ro/definitie/bari%C8%99>

16. Bariș. Available at: <https://dexonline.ro/definitie/bari%C8%99>

17. Ionova I. A. Zaimstvovaniye v usloviyakh dvuyazychiya kak samostoyatel'naya nauchnaya problema («mamalyga» s «brynzoy» v russkom yazyke Moldovy) [Loan words in the context of bilingualism as a research problem (“mamalyga” and “brynza” in the Russian language in Moldova)]. In *Vestnik Slavyanskogo universiteta Moldovy* № 15 Kishinev, 2008. Available at: http://surm.md/index.php?option=com_content&task=view&id=559&Itemid=146

18. Mămăligă. Available at: <https://dexonline.ro/definitie/mamaliga>

19. Fenenko N. A. Funktsional'nyy potentsial realij vo frantsuzskom khudozhestvennom tekste [Funktsional potential of realia in French literary texts]. In *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda*. 2014. № 12. P. 151–172.

SOURCES

1. Beșleagă Vl. Zbor frânt: Roman. Chișinău: Lumina, 1966. 310 p.
2. Bechliaga Vl. Le vol brise = Krik strizha: Roman / Vl. Bechliaga; Traduit du russe par Jean-Marie Pieri. Kichinev: Literatura artistică, 1987. 192 p.
3. Boțu P. Ciugur-mugur: Povestiri / P. Boțu. Chișinău: Cartea Moldovenească, 1961. 82 p.

4. Botsou P. Sougour-Mougour = Chugur-Mugur: Récits / P. Botsou; Traduit du moldave par Eléonore Hotineanu. Kichinev: Literatura artistică, 1987. 84 p.

5. Drutse I. Belaya tserkov'. Bremya nashey dobroty / I. Drutse. Moskva: Molodaya gvardiya, 1985. 576 s.

6. Drousté I. L'église blanche / Trad. du russe par Françoise Baqué-Louge. Paris : Messidor / Temps actuel, 1985. 288 p.

7. Esinencu N. Portocala / N. Esinencu. Chișinău: Cartea Moldovenească, 1970. 71 p.

8. Essinencou N. L'Orange = Apel'sin / N. Essinencou; Traduit du moldave par V. Grigoryev. Kichinev: Literatura artistica, 1988. 72 p.

*Приднестровский государственный университет
Мельничук И. М., старший преподаватель кафедры
романо-германской филологии; аспирант кафедры
французской филологии ВГУ
E-mail: inna.mielnichuk@mail.ru*

*Pridnestrovian State University
Melniciuc I. M., Senior Lecturer of the Romance and
Germanic Philology Department; Post-graduate Student of
the French Philology Department of Voronezh State
University
E-mail: inna.mielnichuk@mail.ru*